
СУЩНОСТЬ И РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

О.М. Степанова

Кафедра государственного и муниципального управления
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье автор рассматривает капитал как фактор производства, который представляет собой накопленный запас ранее произведенных товаров, участвующих в текущем производстве товаров и услуг. Делается акцент на финансовый капитал как на условие экономической деятельности, представляющее собой возможность концентрации экономических ресурсов (природных, труда, основных фондов) для производства. Особенно подчеркивается значение социального капитала как запаса социальных контактов экономического агента, уточняется определение в узком и широком его значениях. Сформулированы и обобщены тенденции, фрагментирующие институциональную среду российской экономики.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные институты, трансакции, трансакционные издержки, персонифицированное-деперсонифицированное доверие, глобальная экономика, коммуникации, сетевые структуры, институциональная среда, холизм, методологический индивидуализм.

Современный этап социально-экономического развития ярко проиллюстрировал определяющую роль институциональной среды в освоении и функционировании рыночных механизмов. Очевидным стал факт, что частная собственность и конкуренция сами по себе не обеспечивают ни рационального выбора, ни эффективного взаимодействия хозяйствующих субъектов. Они оказываются под влиянием существующих сетей экономических и социальных связей, определяемых институционально-культурными условиями определенной страны (региона). Как отмечает М. Кастельс, рыночная логика так глубоко опосредована организациями, культурой и институтами, что экономические агенты, осмелившиеся следовать абстрактной рыночной логике, диктуемой неоклассической экономической ортодоксией, потерпят крах» [3. С. 175]. Неоклассические принципы методологического индивидуализма и спонтанной эволюции институтов хороши для вычленения самых общих принципов функционирования экономики. Кроме того, они являются этноцентричными, так как в большей степени отражают историю и культурные традиции англосаксонских стран. Универсализм выявленных с помощью данных принципов эко-

номических закономерностей подвергается в настоящее время серьезной проверке как в странах с рыночной экономикой не англосаксонского происхождения, так и в переходных экономиках, в которых еще только решаются проблемы индивидуализации хозяйственной жизни и формирования адекватной институциональной структуры.

Институциональная теория исходит из того, что хозяйствующий субъект функционирует в определенной сети экономических и социальных связей, скрепленной каналами поступления информации, общими правилами ее интерпретации и образцами поведения. Участники данной сети, имея общие ценностные ориентации, формируемые через культурные механизмы – религию, традиции, исторические обычаи, а также через практику совместного решения проблем выживания и приспособления к новым экономическим условиям, одинаково воспринимают поступающую к ним информацию и точнее интерпретируют действия других участников сети. Это снижает степень неопределенности, сокращает издержки координации, облегчает ее в рамках сети, способствует появлению норм взаимной поддержки. Обобщение такого феномена координации экономической деятельности выразилось в понятии «социального капитала» (Г. Лури и Д. Колеман), введенного в обиход для характеристики влияния социокультурных факторов на экономическое взаимодействие [2. С. 11]. Под «социальным капиталом» понимаются сети контактов и взаимоотношения между людьми, способствующие доверию и формирующие качество и количество социальных взаимодействий в обществе [4. С. 16].

Появление в экономической теории нового понятия социального капитала, по А. Нестеренко, свидетельствует о повышении степени абстракции ее основных понятий [5. С. 10]. Что же общего можно найти в понятиях реального капитала как фактора производства, финансового капитала как актива денежных средств, человеческого капитала как накопленных знаний и опыта работника и социального капитала как сети социальных контактов экономического агента? На наш взгляд, этим общим является накопление запаса определенных условий экономической деятельности, оказывающих решающее воздействие на ее эффективность. Капитал как фактор производства представляет собой накопленный запас ранее произведенных товаров, которые участвуют в текущем производстве товаров и услуг. Результат его использования – поток товаров. Капитал как фактор производства является понятием, отражающим непосредственное взаимодействие человека и объективных условий производства. Он определяет издержки выпуска товара и его прибыльность. Финансовый капитал является более сложным понятием, отражающим экономический выбор направлений экономической деятельно-

* Здесь не берется во внимание марксистская трактовка капитала как самовозрастающей стоимости, подчиняющей себе все основные условия производства, персонализирующейся в носителя отдельных факторов. Эта трактовка принадлежит другой научной традиции и другой системе понятий.

сти. Он представляет собой запас денежных средств, вкладываемых в одно из этих направлений в интересах получения потока дохода в виде процентных платежей. Финансовый капитал как условие экономической деятельности представляет собой возможность концентрации экономических ресурсов (природных, труда, капитальных фондов) для производства. Обладая по сравнению с ними очень высокой степенью мобильности, он выявляет перспективные направления их использования, отличающиеся наилучшим соотношением издержек и прибыли, определяет, таким образом, эффективность размещения ресурсов в обществе. Как реальный, так и финансовый капитал имеют стоимостную оценку в виде потока будущих доходов от их использования.

Человеческий капитал в отличие от труда как экономического ресурса также относится к понятиям уровня экономического выбора человека. Он переводит труд человека из категорий потока предметной деятельности и потока издержек в сферу принятия работником решений о направлении своей трудовой деятельности и принятия фирмой решений об условиях привлечения работника и его удержания на фирме. Человеческий капитал, с одной стороны, представляет собой актив работника, имеющего стоимостную оценку в виде потока его будущих доходов. С другой стороны, работник, как носитель производственно-технической, организационно-экономической и социальной информации о принципах функционирования фирмы, становится ее активом, оцениваемым по потоку доходов, связанных с производительностью и конкурентоспособностью. То есть человеческий капитал также является условием оптимизации соотношения издержек и прибыли в непосредственном производстве и с точки зрения размещения ресурсов общества.

Социальный капитал как запас социальных контактов экономического агента в отличие от других видов капитала непосредственно определяет издержки координации экономической деятельности и лишь опосредованно воздействует на издержки через диктуемый ими выбор принципов организации деятельности, ее направлений и контрагентов. То есть социальный капитал является понятием, относящимся к уровню координации и транзакционных издержек. Являясь фактором, определяющим параметры экономической деятельности, он позволяет выделить ее институционально-культурный контекст. Отсутствие непосредственного воздействия на экономические параметры и непосредственного персонализированного дохода как выгод его использования существенно затрудняет рассмотрение социального капитала и выводит его в пограничную сферу исследования, смежную с экономическими науками (психология, социология).

В современной экономической литературе можно выделить две основные трактовки понятия «социальный капитал». Узкая трактовка привлекает внимание к социокультурным факторам (социальным институтам, социальной мобильности и мотивации экономических агентов), выступающим благоприятными элементами внешней среды, способствующим формированию

доверия и облегчающим координацию экономической деятельности, повышающим эффективность функционирования рыночного механизма [1. С. 146; 5. С. 10; 7. С. 134]. В таком контексте социальный капитал представляет собой запас социальных контактов агента, позволяющих ему принимать рациональные экономические решения, снижающие риски и потери недобросовестной конкуренции (с точки зрения деперсонифицированного доверия). Или же это запас социальных контактов, позволяющий за счет локального взаимодействия обеспечивать устойчивость и выживание экономических агентов, не способных на равных конкурировать в современной экономике (с точки зрения персонифицированного доверия).

Как отмечается в исследованиях Всемирного банка, социальный капитал оказывается своеобразным страховочным механизмом для экономических агентов, лишенных доступа к рыночным альтернативам [4. С. 16]. Повышая эффективность функционирования рыночного механизма и обеспечивая выживание отставшим экономическим субъектам, социальный капитал способствует сокращению вмешательства государства в функционирование экономики, делает излишним детализацию «правил игры» (формальных институтов), снижает издержки контроля за их выполнением экономическими агентами. Как отмечает Ф. Фукуяма, низкое доверие между экономическими агентами сопровождается высокими издержками согласования деятельности, что требует установления сильного государства [7. С. 157]. Узкая трактовка социального капитала является универсалистской, так как характеризует запас социальных контактов по критерию уровня (высокое – низкое) и масштабов (персонифицированное – деперсонифицированное) доверия.

Более широкую трактовку социального капитала с позиций «понимающей экономики» дает И.Е. Дискин. Ставя проблему выхода на исследование «смысловых взаимодействий», он переводит трактовку социального капитала с обобщения «влияния социокультурных факторов на экономические взаимодействия» на обобщение «вклада социальной организации в производство» [2. С. 11]. Такой подход позволяет выйти за границы собственно рыночного взаимодействия и коммерческих критериев оценки деятельности хозяйствующего субъекта, рассмотреть в качестве условия производства «запас» механизмов балансирования производственных, экономических и социальных интересов экономических агентов. Особо актуальным такой подход становится в условиях «новой экономики» (по М. Кастельсу, «информационной/глобальной экономики»), в которой основным фактором производства становятся знания и информация (по сравнению с природными, трудовыми, капитальными ресурсами, чья производительность попадает в зависимость от знаний и информации). Так как их носителем является человек, то его участие в производстве не может больше адекватно выражаться ни понятием фактора труда, ни понятием человеческого капитала. Дело в том, что коммуникации, координация деятельности в информационной экономи-

ке становится явлением не столько сферы обмена и трансакций, сколько самого производства. Социальный капитал, облегчающий коммуникации и координацию деятельности, в определенных границах приобретает свойство замещения других факторов производства. А его оценка не сводится больше к снижению трансакционных издержек и может быть определена через стоимость замещаемых им факторов производства [2. С. 11, 13].

Рыночная экономика, в основе которой лежит индустриальная система, не позволяла вычленивать поток дохода на социальный капитал, так как он был значительно менее существенным по сравнению с доходом на финансовый и человеческий капитал. Явным и значительным доходом от социального капитала становится в условиях формирующейся информационной экономики, в которой основными действующими субъектами становятся сетевые структуры. Социальный капитал, во-первых, лежит в их основе, обеспечивая единство целей деятельности и интерпретации информации. Во-вторых, он становится источником дохода, соизмеримого с доходом от использования других видов капитала. Этот доход возникает в результате снижения издержек приспособления к меняющимся условиям, повышения конкурентоспособности и устойчивости фирмы в сетевом взаимодействии. В переходных экономиках социальный капитал ярче проявляет себя по другим причинам, связанным с распадом прежних экономических и социальных связей, разрушением привычных потоков экономической информации и отсутствием новой социальной системы обобщения и передачи экономической информации. Распад прежней коммуникационной системы резко повышает экономическую ценность локальных сетей (по И.Е. Дискину, «локальных институциональных сред»), обеспечивая единство интерпретации информации и выработки образцов поведения в новых условиях. Этим и может объясняться, казалось бы, нерациональное поведение российских фирм, придерживающихся старых методов организации производства, управления, ориентации на традиционных поставщиков и потребителей своей продукции.

И узкая, и широкая трактовка социального капитала позволяют ставить проблему его качества. С точки зрения узкой трактовки, социальные сети могут быть контрпродуктивны по отношению к коллективным интересам общества [4. С. 16]. Обеспечивая выживание определенных групп населения за счет смягчения для них конкурентного давления, они разрушают единство экономического пространства, способны законсервировать устаревшие формы жизни и деятельности людей. Широкая трактовка социального капитала позволяет определять его качество не линейно (по шкале обеспечения равенства условий конкуренции), а многомерно (по критериям выживания, экспансии данного сетевого взаимодействия, достижения баланса экономических и социальных интересов и т.п.). Качество социального капитала в трансформирующейся экономике во многом определяет траекторию ее развития, о чем ярко свидетельствует опыт российской экономики 90-х гг. Именно социальный капитал способствовал выживанию предприятий и населения при

высокой степени неопределенности и резком ухудшении институциональных, микро- и макроэкономических условий деятельности (посредством распространения бартера и неплатежей, трудоизбыточного поведения предприятий, сращивания интересов бизнеса и государства и т.п.). Полученный в наследство от советской системы социальный капитал взаимной поддержки предприятий, руководителей предприятий и работников, руководителей и местных властей, спаянный смыслом выживания, был постепенно растрочен. Выпавшие из системы выживания наиболее преуспевающие предприятия и работники начали формирование новой смысловой основы взаимодействия, заключающейся в свободе, индивидуальной ответственности и индивидуальном благополучии. Однако определяющими все же стали другие тенденции, фрагментирующие институциональную среду российской экономики. На наш взгляд, можно выделить следующие линии такой фрагментации.

Первая линия проходит по ценностям независимого индивидуального хозяйствования в соответствии с коммерческими критериями и конкурентного взаимодействия, с одной стороны, и ценностям производственной (индустриальной) координации либо выживания на основе традиционного взаимодействия, с другой стороны.

Вторая линия качественного разнообразия социального капитала касается самого рыночного хозяйствования и различия методов достижения коммерческого результата. Формируются различные смыслы экономической деятельности и подходы к интерпретации информации, связанные с ориентацией на получение прибыли за счет продуктивной деятельности и конкурентного взаимодействия, с одной стороны, и с завоеванием и сохранением нерыночными способами исключительного положения и получением устойчивого дохода в виде ренты (монопольной прибыли, политической ренты, статусной ренты) – с другой.

Третья линия фрагментации институциональной среды относится к региональным особенностям ценностных ориентаций местной политической и бизнес-элиты, обособлению потоков информации и выработки определенных способов ее интерпретации и образцов решения проблем на региональном уровне.

Фрагментация институциональной среды российской экономики обеспечила возможности мобилизации внутренних ресурсов экономических агентов, их выживание и достаточно мирную рыночную трансформацию российской экономики. В то же время она создала риски углубляющейся дезинтеграции экономики, когда экономическая информация либо не доходит до определенных групп экономических агентов, либо по-разному интерпретируется ими. Одной из важнейших проблем становится интеграция институциональной среды на основе выработки общих смыслов экономической деятельности, потоков информации и ее интерпретации. В этом отношении важную роль может сыграть провозглашение общенациональных целей экономического развития, как это не раз практиковалось в условиях кризисного

развития других стран (во времена Великой депрессии в США, в период послевоенного восстановления Германии и Японии, при модернизации Южной Кореи, в современной рыночной трансформации Китая). Как показывают исследования, отсутствие интегрирующей идеи, способствующей налаживанию связей коммуникации, может обернуться появлением суррогата, заполняющего вакуум образцов поведения и интерпретации информации. Распространение таких суррогатных образцов в современной российской экономике выявляют исследования А. Олейника «бизнеса по понятиям». В целом же следует отметить, что именно технократический и формализованный подход к рыночной трансформации российской экономики способствовал тому, что внутренние ресурсы экономических агентов и экономики вообще были использованы на их выживание, а не на позитивные действия в направлении освоения новых принципов хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аккреман Ф., Ананьин О., Вайнскопф Т., Гудвин Н. Экономика в контексте // Вопросы экономики. – 1997. – № 2.
- [2] Дискин И. Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4.
- [3] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- [4] На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 года. – М.: Изд-во «Весь мир», Всемирный банк, 2000.
- [5] Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. – 2001. – № 7.
- [6] Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. – 2001. – № 5.
- [7] Фукуяма Ф. Доверие, социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.
- [8] Фишер С., Доринбум Р., Шмалензи К. Экономика. – М.: Дело, 1997.

REFERENCES

- [1] Akkremen F., Anan'in O., Vajnskopf T., Gudvin N. Jekonomika v kontekste // Voprosy jekonomiki. – 1997. – № 2.
- [2] Diskin I. E. Hoz'jajstvennaja sistema Rossii: problemy institucional'nogo genezisa // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 1998. – № 4.
- [3] Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura / Per. s angl. pod nauch. red. O.I. Shkaratana. – M.: GU-VShJe, 2000.
- [4] Na poroge XXI veka. Doklad o mirovom razvitii 1999/2000 goda. – M.: Izd-vo «Ves' mir», Vsemirnyj bank, 2000.
- [5] Nesterenko A. O chem ne skazal Uil'jam Baumol': vklad XX stoletija v filosofiju jekonomichej dejatel'nosti // Voprosy jekonomiki. – 2001. – № 7.

- [6] *Olejnik A.* «Biznes po ponjatijam»: ob institucional'noj modeli rossijskogo kapitalizma // *Voprosy jekonomiki.* – 2001. – № 5.
- [7] *Fukujama F.* Doverie, social'nye dobrodeteli i sozidanie blagosostojanija // *Novaja post-industrial'naja volna na Zapade.* Antologija / Pod red. V. L. Inozemceva. – M.: Academia, 1999.
- [8] *Fisher S., Dorinbum R., Shmalenzi K.* *Jekonomika.* – M.: Delo, 1997.

ESSENCE AND ROLE OF SOCIAL CAPITAL IN THE PROCESS OF ADOPTION OF MANAGEMENT DECISIONS

Olga M. Stepanova

Department of Public Administration
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya st., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The author considers the capital as a factor of production, which is the accumulated stock of previously produced goods, which are involved in the current production of goods and services. Separately, the author focuses on the financial capital as a condition of economic activity, which is a possibility of concentration of economic resources (natural, labor, fixed assets) for production. The author especially emphasizes the importance of social capital as the stock of social contacts of the economic agent, clarifying the definition in its narrow and broad meanings. Formulated and generalized trends, fragmenting the institutional environment of the Russian economy.

Key words: social capital, social institutions, transaction, transaction costs, personalized, impersonal trust, the global economy, communication, network structure, institutional environment, holism, methodological individualism.